

**ДУШОЙ И ТЕЛОМ:
БИНАРНЫЕ ОППОЗИЦИИ В СТИХОТВОРЕНИИ К. СИМОНОВА
«ТЫ ГОВОРИЛА МНЕ „ЛЮБЛЮ“ ...»**

Коржова И. Н.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6368-6888>

Аннотация. Цель статьи – исследовать основы мифопоэтики К. Симонова на материале стихотворения «Ты говорила мне „люблю“...». Материалом изучения стала итоговая редакция стихотворения, однако в целях прояснения компонентов выявленной структуры привлекается ранняя версия произведения. В основу работы положен структурный метод исследования лексического уровня стихотворения, он дополнен этнолингвистическим подходом.

В первой части текста воссозданы сложные любовные отношения лирических героев. В статье показано, что они представлены с помощью четкой системы бинарных оппозиций: «ночь – утро», «душа – тело», «говoreние – молчание». Поэт не просто демонстрирует принцип мышления, близкий к мифологическому, показано, что и сам характер пар, и осмысление их компонентов у Симонова опирается на славянские народные представления. Разрешить диссонанс дневных и ночных отношений может только признание героини в своих чувствах. Гармонизирующая роль, которую Симонов отводит произнесению слова «люблю», подтверждает гипотезу Ю. С. Степанова о близости в индоевропейских языках концептов «слово» и «чудо».

Во второй части стихотворения в отношении героев врывается война. К оппозиции дневного и ночного мира добавляется третий ряд, порожденный ситуацией войны. Статус этого ряда противоречив: по некоторым признакам он противопоставлен дневному миру, но чаще – ночному. Доказано, что в большинстве случаев третий ряд выполняет функцию медиатора между мирами. Дневной и ночной мир находят примирение в вечернем, тактильный (телесный) и словесный (духовный) коды опосредуются в образе зримого слова. Во второй части героиня произносит ожидаемое слово «люблю», и это выговаривание сродни ритуалу: оно либо инвертирует, либо примиряет противоречия. Однако не все компоненты нового ряда находят соответствие в установленной ранее системе. Сама неспособность определить место войны в старой структуре мира в работе трактуется как смыслообразующая. Она фиксирует невозможность вписать войну в образ мира, доминировавший прежде.

Ключевые слова: бинарные оппозиции; любовная лирика; душа; народные представления; концепты; русская поэзия; русские поэты; поэтическое творчество; поэтические жанры; стихотворение.

**BODY AND SOUL:
THE BINARY OPPOSITIONS IN K. SIMONOV'S POEM YOU TOLD ME: "I LOVE YOU" ...**

Inessa N. Korzhova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6368-6888>

Abstract. The purpose of the article is to study the basics of K. Simonov's mythopoetics on the material of the poem *You told me: "I love you"...* The material of the study was the final version of the poem, however, in order to clarify the components of the revealed structure, the early version of the work is also involved. The work is based on the structural method of studying the lexical level of a poem; it is supplemented by an ethnolinguistic approach.

In the first part of the text, the complex love relationships of lyrical heroes are recreated. The article shows that they are represented with the help of a clear system of binary oppositions: "night – morning", "soul – body", "speaking – silence". The poet does not just demonstrate the principle of thinking, which is close to mythological.

It is shown that the nature of the pairs, and the interpretation of their components by Simonov, is based on Slavic folk ideas. Only the recognition of the heroine in her feelings can resolve the dissonance of day and night relationships. The harmonizing role that Simonov assigns to enunciation the word "love" confirms Yu. Stepanov's hypothesis of about the closeness of the concepts of "word" and "miracle" in Indo-European languages.

In the second part of the poem, a war breaks into the relationship of the heroes: their farewell at the station is depicted. The third row, generated by the situation of war, is now added to the opposition of the day and night world. The status of this series is contradictory: in some respects, it is opposed to the daytime world, but most does to the nighttime one. It is proved that in most cases the third row performs the function of a mediator (in the understanding of S. Levy-Strauss) between the worlds. The day and night worlds find reconciliation in the evening, tactile (bodily) and verbal (spiritual) codes are mediated in the form of a visible word. In the second part, the heroine pronounces the expected word "love", and this pronunciation is akin to a ritual: it either inverts or reconciles the contradictions. However, not all components of the new series find a match in the previously installed system. In the work the impossibility of determining the place of war in the old structure of the world is interpreted as meaning-forming. It fixes the impossibility of inscribing war into the image of the world that dominated before.

Key words: binary oppositions; love lyrics; soul; folk performances; concepts; Russian poetry; Russian poets; poetry; poetic genres; poem.

Для цитирования: Коржова, И. Н. Душой и телом: бинарные оппозиции в стихотворении К. Симонова «Ты говорила мне „люблю“...» / И. Н. Коржова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 169–178. – DOI:10.26170/FK20-02-15.

For citation: Korzhova, I. N. (2020). Body and Soul: the Binary Oppositions in K. Simonov's Poem *You Told Me: "I Love You"...* In *Philological Class*. Vol. 25. No. 2, pp. 169–178. DOI:10.26170/FK20-02-15.

Введение. Циклическое течение времени, нарушаемое аномальным событием; дневной мир, отменяющий законы мира ночного; душа, сражающаяся с телом, – эти мифологические по природе своей оппозиции конституируют мир любовной лирики советского поэта К. Симонова, в частности его стихотворение «Ты говорила мне „люблю“...» Соединение в научном дискурсе терминов «мифологическое мышление» и «советская литература» давно уже не является неожиданностью. К нему нас приучил монументальный сборник «Соцреалистический канон» и другие труды его ведущих авторов. Мы упоминаем это исследование, чтобы обозначить некоторые расхождения с его положениями. Х. Гюнтер, чьи статьи составляют концептуальное ядро сборника, используя метафору К. Кларк, не менее повлиявшей на методологические ориентиры этого труда, постулирует: «Литература советской эпохи отличается ярко выраженной мифологичностью и со временем все более превращается в „официальный резервуар государственных мифов“» [Соцреалистический канон 2000: 743]. Таким образом, предметом коллективного исследования стали преимущественно мифологемы, которые, во-первых, выпол-

няют роль идеологем; во-вторых, объединяют большинство официальных писателей и, шире, деятелей культуры сталинского времени, в-третьих, составляют канон, т. е. в некотором роде обязательны для воспроизведения.

Цель исследования. Все три признака отсутствуют в любовной лирике Симонова. Он выстраивает глубоко личный миф, чуждый идеологии, не повторяющийся в лирике современников и если роднящий его с кем-либо, то скорее с модернистами начала века. Наконец, думается, в случае Симонова речь не идет о сознательном конструировании неомифа: обращение к мифологемам и сам тип бинарного мышления глубоко органичны этому поэту. В его лирике властно заявляет о себе феномен, названный С. З. Агранович «„генетическим кодом“ искусства» и определенный как «жизнь древних структур сознания в художественном языке разных эпох» [Агранович, Саморукова 2001: 8]. Цель статьи – исследовать основы мифопоэтики К. Симонова на материале стихотворения «Ты говорила мне „люблю“...», не становившегося ранее предметом специального анализа. Это произведение более чем репрезентативно по отношению к общим тенденциям цикла

«С тобой и без тебя...», само название которого строится на противопоставлении.

Методы исследования. Наша работа основана на структурном методе исследования текста, примененном прежде всего к лексическому уровню. Однако имманентный подход будет сочетаться с учетом данных этнолингвистики и когнитивной лингвистики. Мифопоэтика как метод наиболее адекватна самому объекту исследования – художественной системе Симонова, показавшего любовную коллизию сквозь призму архаических бинарных оппозиций.

Обсуждения и результаты. Стихотворение «Ты говорила мне „люблю“...» (1941 г.) открывает военную часть цикла «С тобой и без тебя» и, следуя за текстами, в которых герой надеется обрести привязанность героини, в некотором смысле служит «перипетией» сюжета стихотворного ансамбля. В окончательной редакции цикла, сложившейся в Собрании сочинений поэта 1966 года, оно состоит из восьми стрóf, ровно распадающихся на две части. Однако в ранних публикациях первая часть включала еще два четверостишья, которые также будут рассмотрены в нашем исследовании.

Уже в первом катрене обрисована эмоциональная коллизия стихотворения: героиня не любит героя и лишь под влиянием страсти способна на ложное признание. Но такая прозаическая «расшифровка» ситуации игнорирует ключевые моменты текста, об этом Симонов говорит чуть иначе:

Ты говорила мне «люблю»,
Но это по ночам, сквозь зубы.
А утром горькое «терплю»
Едва удерживали губы

[Симонов 1982: 174–175]¹.

Выговоренному «люблю» противопоставлено хотя и не сказанное, но все же материализованное в тексте «терплю». Оба слова становятся своеобразной метонимией ситуаций, имеющих четкую временную прикрепленность: «ночью – утром». Структурная важность этой оппозиции для первой части стихотворения устанавливается неоднократным повтором указаний на время: «но это по ночам <...>, а утром», «я верил по ночам», «но я не верил по ночам», «но утром». Пара

«ночь – утро» является вариантом культурной оппозиции «ночь – день». Как и все бинарные оппозиции, она характеризуется разной эмоциональной и ценностной наполненностью компонентов. По мнению Вяч. Вс. Иванова, «их можно рассматривать как перевод основного противопоставления *благоприятный – неблагоприятный*» [Иванов 1999: 516]. Подобная асимметрия отличает архаическую систему противопоставлений от более поздних двучленных классификаций. В славянской культуре, как и во многих других, ночь – «время неблагоприятное и опасное, не принадлежащее человеку, находящееся во власти „злых“ (потусторонних) сил» [Славянские древности 2012, V: 213]. Важно, что психологическая мотивировка у Симонова соединяется с мифологической: страсть может проявлять себя только в границах ночи; и поскольку это время в традиционной культуре принадлежит негативному полюсу, то ночные признания не дают счастья герою.

Следующие две стрóфы построены на повторах, усиливающих раздвоенность мира:

Я верил по ночам губам,
Рукам лукавым и горячим,
Но я не верил по ночам
Твоим ночным словам незрячим.

Я знал тебя, ты не лгала,
Ты полюбить меня хотела,
Ты только ночью лгать могла,
Когда душою правит тело.

Слова «верил» – «не верил» выделяют истинное и ложное уже в рамках самой ночи, дробя и этот мир. Губы (очевидно, безмолвные, дарующие поцелуй) и горячие руки (вероятно, сведенные в объятьях) – это истина ночи. А вот слова не вызывают доверия, можно предположить, что они принадлежат другому, дневному миру.

Такие детали, как «губы, руки – слова», противопоставленные по признаку «материальное – нематериальное», являются конкретизацией второй важной оппозиции текста, которая прямо названа в третьей стрóфе: «тело – душа». Данная пара далека от книжной христианской традиции, выстраивающей тернарную модель «тело – душа – дух»,

¹ Здесь и далее, кроме особо оговоренного случая, стихотворение цитируется по указанному изданию.

и опирается на народные представления, в которых «христианские элементы предстают в существенно измененном, мифологически „переработанном“ виде, органически вписанном в мифологическую картину мира. <...> Как правило, дух и душа в народном языке не различаются (или во всяком случае не противопоставляются) и выступают как синонимы» [Толстая 2000: 60]. Природа человека, по крайней мере героини, в мире Симонова последовательно дуалистична. Эта концепция может показаться отражением общечеловеческих архаических универсалий, однако при сопоставлении с инокультурными традициями оказывается ярко национально окрашенной. А. Вежбицкая доказывает, что оппозиция «душа – тело» специфична именно для русского языка и культуры, в англоязычной среде противопоставление иное: «The basic dualistic model embodied in the English lexicon (body versus mind) <...> focusses on the intellectual and rational aspect. By contrast, the basic dualistic model embodied in the Russian lexicon focusses on the emotional, the spontaneous, and the moral, not on the intellectual and the rational» [Wierzbicka 1992: 60]¹.

Аксиологическая неравнозначность пар «день – ночь» и «душа – тело» в традиционной культуре потенциально делает члены каждого из полюсов соотносимыми друг с другом. Нам неизвестны труды, указывающие на их прямую связь в славянских народных представлениях. Однако В. А. Маслова, исследуя концепты «душа» и «тело», придает идеям Б. А. Успенского и Ю. М. Лотмана о двоеверии и двукультурности России [Лотман, Успенский 1996]² универсальность и утверждает: «В конце концов, сложилось две культуры: чистая = дневная и нечистая = ночная. <...> „Дневная“ культура была культурой духа и ума, это была „умная“ культура; и „ночная“ культура, которая есть область мечтания, воображения, страсти. В рамках данной концепции выделяются две сущности – тело (ночная культура) и душа (дневная культура)» [Маслова 2011: 206–207].

Думается, исследовательница, как ранее Симонов, поддается логике бинарного мышления и реализует потенциальную возможность сблизить противопоставленные компоненты двух рядов. Так, поэт из блоков народных представлений выстраивает свой миф. Выражения «душою правит тело» и «душа сильна, как прежде» (из следующей, четвертой строфы) связаны с темой власти и насилия и обозначают контуры сюжета о суточной борьбе тела и души.

Третья строфа с кажущимися абсурдными с точки зрения монизма одновременно справедливыми «не лгала» – «лгать могла» оправдана законами дуального мира. Ложь является атрибутом ночи, тем более что даже вызывающие доверие руки названы «лукавыми», а структура стихотворения заставляет предположить, что неспособность лгать проявляется днем. И все же стихотворение до конца логически неразложимо благодаря присутствию героя и его неназванных, но составляющих нерв стихотворения чувств и желаний. Ее действия «лгала – не лгала» не образуют зеркальной симметрии с его «верил – не верил», ибо оба состояния он испытывает ночью. Именно ночью тело заставляет душу лгать, но само остается парадоксально честным. Укажем, что в народных представлениях «непроизвольные движения и звуки считаются более искренними, чем слово, поскольку тело не умеет врать» [Славянские древности 2012, V: 250]. Эта нестрогая симметрия подчеркивает важность и хрупкость того, чем связаны герои, в чем они искренни, и отчасти реабилитирует ночной мир, в котором находится место подлинным, хотя и исключительно плотским чувствам.

Четвертая строфа возвращает нас к логике бинаризма, последовательно соотнося ключевые понятия «положительного» ряда:

Но утром, в трезвый час, когда
Душа опять сильна, как прежде,
Ты хоть бы раз сказала «да»
Мне, ожидавшему в надежде.

¹ Основная дуалистическая модель, воплощенная в английском языке (тело против разума), <...> сосредоточена на интеллектуальном и рациональном аспекте. Напротив, основная дуалистическая модель, воплощенная в русском языке, сосредоточена на эмоциональном, спонтанном и моральном, а не на интеллектуальном и рациональном [перевод автора статьи – И. К.].

² Отметим, что Б. А. Успенский и Ю. М. Лотман рассматривают все же хронологически более ограниченные и существенно изменяющиеся явления в культуре.

Это четверостишие позволяет выделить еще несколько неочевидных и в некоторых случаях пока неполных оппозиций. Утро названо «трезвым часом», соответственно, ночь является временем опьянения. Кроме того, утро снова связано с отказом от говорения: фраза «хоть бы раз сказала» усиливает данное ранее описание «едва удерживали губы». Дневное правдивое молчание противопоставлено ночным лживым речам. Важно, что члены этой оппозиции инвертированы по отношению к традиционным представлениям. Л. Г. Невская, исследовавшая категорию молчания в связи с похоронным обрядом, отмечает: «Запрет на плач и голошение после захода солнца актуализирует парадигму синонимических противопоставлений: шум, голос, звук – тишина = свет – тьма = день – ночь» [Невская 1999: 125]. Слова признания выговариваются героиней не в срок и поэтому несут черты ущербности, оказываются «незрячими». Но возможна и трактовка этого эпитета как перенесенного: «незрячим» является на самом деле герой. Как мы покажем далее, для него не менее важно увидеть, как произносится признание, чем услышать его. В целом ночное слово воспринимается как аномалия, и изображаемая ситуация не только психологически не удовлетворяет героя, но и нарушает нормы мироустройства, выворачивает их наизнанку.

Описанная аномалия повторяется неоднократно. Вообще, первая часть с ее имперфектами и наречиями «прежде», «хоть бы раз» погружает нас в дурную бесконечность циклического времени, которое в стихотворении имеет черты не периодического переживания сакрального, а бесперспективной повторяемости. Исправить аномалию может лишь слово, страстно чаемое «люблю». Как уже упоминалось, в цикле «С тобой и без тебя» стихотворение «Ты говорила мне „люблю“...» является перипетией. Оно прерывает цепь доиюньских текстов с их мотивом жажды чуда (особенно ощутимым в стихотворениях «Плюшевые волки...» и «Тринадцать лет. Кино в Рязани...»). В этой связи важным является толкование концепта «слово», предложенное Ю. С. Степановым: «Соответственно архаическому представлению, имеется некоторая самостоятельная, независимая от участников

общения, от говорящего и слушающего, <...> „плотная сущность“, которая и может быть предметом обмена в „круговороте общения“ как некая „ценность“. Но если это так, то мы тотчас видим параллель к концепту „Слово“ еще и в других аналогичных представлениях индоевропейской культуры – „Знание“ и „Чудо“» [Степанов 2004: 382]. В лирическом цикле Симонова это сходство слова и чуда, разумеется неосознанно, восстанавливается.

Обратимся теперь к строфам, исключенным Симоновым из последней редакции стихотворения. Они занимали место после второго и четвертого катрена итогового варианта соответственно:

Они, как мотыльки огня,
Боялись дня и вдруг сгорали.
С рассветом каждый день меня
Холодные глаза встречали.

И снова ласки перед сном
Мне в благодарность, что ни разу
Тебе я не напомнил днем
Ту, ночью сказанную фразу.

Возникающие в них образы по преимуществу легко занимают свои места в обозначенной выше системе оппозиций. Учитывая их, мы можем уже без всяких оговорок называть мир, противоположный ночному, дневным, ибо лексема «день» вводится непосредственно. Ожидаемо этот ряд связан со светом: слово «рассвет» указывает не только на временные границы, но и на визуальную характеристику, тем более что рассвет сравнивается с огнем. Упоминание «ласки» подкрепляет нашу трактовку выражения «горячие руки» как перифраза объятий и усиливает телесный код ночного мира. Внесена ясность и в характер ночного чувства, для которого не применимы глаголы «терплю» и «люблю» – оно зиждется на «благодарности». «Горячие руки» обретают свою пару в образе «холодных» глаз, хотя в данном случае мы руководствуемся узуальным значением эпитетов, в самом же стихотворении «холодные глаза» противопоставлены сгорающим словам-мотылькам.

Сравнение слов с мотыльками является самым содержательно богатым и неоднозначным образом отвергнутых строф. Репрезентация души в виде бабочки в древнегреческой культуре, безусловно, была знакома поэту.

Но подобная связь, причем включающая как раз образ мотылька, актуальна и для славян: «Бабочка, мотылек – в народных представлениях насекомое, связанное с потусторонним миром, воплощение души» [Славянские древности 1995, I: 125]. Поэтическая интуиция Симонова, противопоставившего сгорающих мотыльков холодным глазам, позволила ему восстановить одну из вероятных древних культурных параллелей. О. А. Терновская видит связь души и бабочки «в ассоциации между крыльями бабочки и бровями (точнее – общим обликом очерченных бровями глаз), репрезентирующую мифическую тему души – полета – зрения – глаз» [Терновская 1989: 155]. Оппозиция «сгорающие слова-мотыльки-глаза – холодные глаза» позволяет подчеркнуть затушеванную в итоговом варианте важность категории зрения. Дневная сдержанность героини воспринимается героем прежде всего визуально: «удерживали губы», «холодные глаза», ночью же слова слышны, но не видны («незрячие»), ночь – время тактильных ощущений. В этой связи можно говорить, что герой не только хочет услышать слово признания, но и увидеть его¹, что подтверждает гипотезу об особой субстанциональной плотности слова в данном стихотворении.

Таким образом, неожиданно в чужой, ночной сфере обнаруживаются дневные образы. Все они: и сгорающие слова-мотыльки-глаза, и незрячие слова, и управляемая слабая душа – отличаются некой ущербностью и говорят в конечном счете о неистинности категорий, попадающих не в свой мир. Образ слов-мотыльков-глаз обладает подлинной синтетичностью мифологического образа, однако стилистически выглядит не вполне органичным в стихотворении, почти чуждом тропеизации. Образы этих двух строф принципиально не изменяют ни психологического, ни мифопоэтического плана стихотворения. Мы обратились к ним, чтобы показать стройность структурной организации произведения, пустующие ячейки которого заполняются с учетом изъятых строф, но, подчиняясь законам бинарного мышления, могут быть

восполнены и без них. Думается, исключив эти стихи, Симонов избежал бы от длиннот и, главное, добился строгой симметричности композиции, противопоставив две группы строф по четыре катрена в каждой.

Вторая часть стихотворения начинается с наречия «вдруг», которое далее встретится в шестой и седьмой строфах. Эти повторы акцентируют мотив неожиданности, противопоставленный постоянному, но безрезультатному ожиданию в «дневном» ряду первой части.

И вдруг война, отъезд, перрон,
Где и обняться-то нет места,
И дачный клязьминский вагон,
В котором ехать мне до Бреста.

Слова «перрон», «вагон», к которым далее добавится холоним «вокзал», вводят новый локус. А война становится ключевой категорией, задающей свой ряд, не похожий ни на ночную, ни на дневную сферы. Первый признак обозначившегося локуса («обняться нет места») отменяет одну из черт ночного мира (напомним, что словосочетание «горячие руки» мы интерпретировали как перифраз объятий). Созданная войной ситуация и дальше противопоставляется прежде всего ночному ряду, причем каждая следующая деталь находит соответствие с элементами уже выявленной структуры.

Вдруг вечер без надежд на ночь,
На счастье, на тепло постели.
Как крик: ничем нельзя помочь! –
Вкус поцелуя на шинели.

Новое время действия – вечер. Хотя в народном сознании он чаще относится к полюсу ночи, поскольку составляет оппозицию дню и утру, Симонов подчеркивает их принципиальную несводимость. Явная промежуточность вечера позволяет увидеть во вновь вводимом ряду признаки медиации в понимании К. Леви-Стросса². Таким образом, вечер скорее является медиатором, чем членом новой оппозиции к одному из рядов.

Атрибутом вечера становится отсутствие надежд, напомним, что в первой части герой в светлые часы «ожидает в надежде». В дан-

¹ В другом стихотворении цикла, «Не раз видав, как умирали...», герой сожалеет: «Он не увидел это слово / На милых дрогнувших губах» [Симонов 1982: 203].

² «Миф обычно оперирует противопоставлениями и стремится к их постепенному снятию – медиации» [Леви-Стросс 2008: 262].

ном случае новый ряд входит в оппозицию с дневным миром. Однако локус дачного вагона, не предполагающего мест для сна, противопоставляется постели – образу, входящему в «ночной ряд». Статус нового мира все еще непонятен, хотя его системные связи многочисленны. Уже следующая деталь снова претендует на роль медиатора. Поцелуй – действие ночного мира (напомним о безмолвных губах в первой части), причем действие телесное, а не словесное. Но эта телесность в буквальном смысле опосредуется одеждой – шинелью. Поцелуй во второй части стихотворения – акт еще не словесный, но уже и не плотский. При этом Симонов активно приближает поцелуй к слову, сравнивая его с криком, криком членораздельным, что видно из расшифровки значения поцелуя-крика: «ничем нельзя помочь». Такое сравнение усиливает связующий характер поцелуя, а шинель, как примета военного времени, указывает на обстоятельства, вызвавшие преодоление оппозиции.

Кульминацию текста составляет то самое страстно взыскуемое признание:

Чтоб с теми, в темноте, в хмелю,
Не спутал с прежними словами,
Ты вдруг сказала мне «люблю»
Почти спокойными губами.

Само прозвучавшее слово автоматически устанавливает оппозицию по отношению к дневному миру с его молчанием и невозможностью произнести «люблю», а значит, относится к миру ночи. Но герою психологически важно отделить эту ситуацию от ночной, связанной с ложным говорением, ведь сомневаться в правдивости нового признания он не хочет. Поэтому педалируется антитеза «ночному» ряду: появляется мотив хмеля, заполняющий ячейку, оставшуюся пустой после упоминания утреннего «трезвого часа». Также подчеркивается такая характеристика ночного мира, как «темнота». Вечер же, очевидно, светел, ведь герой видит губы любимой и весь ее облик (в последней строфе подчеркнута: «такой я раньше не видал тебя...»). Подразумеваемые категории зрения и света приближают вечерний мир к дневному. При этом речь может идти и об искусственном свете – еще одном медиаторе между мирами.

Наиболее интересный и нуждающийся в комментарии образ стихотворения – «губы». Только это слово прямо названо во всех трех рядах: вызывающие веру ночью, удерживающие слово днем, теперь они «спокойные», выговаривающие признание. Неназванные, они приобщены и к ночной лжи, и к вечернему военному поцелую. Губы, рот являются границей между человеком и миром, посредством них устанавливается контакт с другим, также они равно причастны и к сфере эроса, и к сфере говорения [Славянские древности 2009, IV: 480], поэтому им доверена роль медиатора. Если в довоенном мире губы напряжены, контакт невозможен («удерживали») или нежелателен («сквозь зубы»), то теперь он происходит естественно. Эпитет «спокойно» указывает на восстановление нормы, ведь корреляция «день – ночь» = «говорение – молчание» теперь возвращается в нормальное состояние.

Финальная строфа, кажется, может дополнить стихотворение разве что эмоционально.

Такой я раньше не видал
Тебя, до этих слов разлуки:
Люблю, люблю... ночной вокзал,
Холодные от горя руки.

Но она содержит несколько новых членов оппозиции, причем отнюдь не облегчающих нам финальный вывод. Во-первых, женский образ, до этого раздвоенный, предстает не только цельным, но и обновленным. Выбранное выражение «такой не видал» свидетельствует, что героиня не просто обрела согласие души и тела, но и оказалась наделена новой сущностью. Вопрос о том, чем является новая ситуация: гармонизацией старого или открытием нового – не получает однозначного решения. Во-вторых, при продолжающемся соотношении преимущественно с ночным миром ответы о характере связи с ним остаются диаметрально противоположными. «Холодные руки» четко противопоставлены «рукам горячим», слово «горе» тоже занимает приготовленное для него место, составляя оппозицию со «счастьем и теплом постели». В целом, произнесение слова «люблю» становится тождественным магическому ритуалу, примиряющему оппозиции. Вяч. Вс. Иванов указывал на несколько возможностей такого примирения: «Объединение обоих противоположных признаков или символов в систе-

мах символической классификации происходит обычно в ходе ритуала, который (как и отчасти связанный с ритуалом миф) может рассматриваться прежде всего как способ достижения либо инверсии противоположных символов, либо их слияния, либо, наконец, поиска промежуточных звеньев между противоположностями» [Иванов 1999: 518]. Как явствует из анализа, отраженного в таблице, в тексте реализованы все названные выше возможности.

Осмысление слов признания у Симонова также коррелирует с идеей Ю. С. Степанова о том, что слово изначально мыслилось в индоевропейских языках как некая самостоятельная сущность. Ведь двойное «люблю» в финале лишено субъекта произнесения, принадлежит равно и женщине, и мужчине и в то же время является чем-то третьим, связывающим их.

Но последняя строка с оппозицией «горе – счастье» переворачивает ценностные полюса системы. Гармоничный, примиренный мир оказывается горем по сравнению с прежним разобщенным, прежде всего ночным. А ситуация разлуки заставляет переосмыслить все описанное раньше как счастливое пребывание вместе. Слова «разлука», «отъезд» и, конечно, «война» на лингвистическом уровне не вступают в системные отношения. Ю. М. Лотман указывал на возможность и даже важность подобных нарушений: «В художественном произведении отклонения от структурной организации могут быть столь же значимыми, как ее реализация» [Лотман 1972: 120]. Новые понятия не просто примиряют, а нивелируют бинарные оппозиции, заставляя осмыслить оба ряда как принадлежащие бесконфликтной мирной поре. Эти категории делают финал стихотворения выражающим не только горе, но и невозможность рационально осмыслить происходящее, вписать войну в образ мироустройства.

О том же значимом разрушении прежней системы говорит и одна из важных категорий текста – категория времени. Выше уже отмечалась безвыходная цикличность первой части. То, что приходит на ее место, невозможно осмыслить однозначно. Фраза «вечер без надежд на ночь...» фиксирует аномалию, слом любой привычной последовательности. Вся вторая часть говорит о единичном событии,

противопоставляя «теперь» и «прежде». В финале вечер, имевший роль медиатора, заметно все же переходит в ночь (заканчивается стихотворение упоминанием «ночного вокзала»). Но вся система противопоставлений не дает нам отождествить эту ночь с предыдущими, начинается новое время с доселе неизвестными характеристиками. В контексте цикла это, несомненно, время линейное, время большой истории и личной судьбы. Таким образом, описанная устойчивая система оппозиций нивелируется и на этом уровне.

Вывод. Стихотворение Симонова демонстрирует удивительную структурную целостность, позволяющую заключить, что кажущаяся непосредственность излияния чувств обеспечена высокой художественностью произведения, гармоничностью его образного строя. Анализ раскрывает и одну из важных черт поэтики Симонова – органическую связь с архаическими славянскими представлениями.

Обращение к основам дуалистического мифологического мышления предполагает оценку телесного и духовного как равноправных начал. Драма описанных отношений – это драма разорванности, неполноты чувств, но не их низведения к более примитивным формам. Раскрытие мифопоэтических основ стихотворения позволяет избежать преследовавших Симонова обвинений в натурализме, снижении любовного чувства, ведь мифологическое сознание не знает иерархии физиологическое – психологическое.

Рассмотрение стихотворения сквозь призму бинарных оппозиций обеспечивает должную оценку образа войны, которая при ином подходе может показаться лишь внешним катализатором для изменения отношений героев. С ней в стихотворение входит новый, третий, ряд образов. Часть из них является медиаторами между противопоставленными рядами, а значит, выдвигает войну в качестве некоего сакрального события. Но ряд новых образов вообще не входит в намеченную систему оппозиций. Война примиряет противоречия, но одновременно рушит всякий порядок, вписывается и не вписывается в мифологическую модель. Вместе с радостью обретения любви это стихотворение отражает страшную дезориентацию, разрушение прежнего образа мира.

Таблица – Лексическая структура стихотворения «Ты говорила мне „люблю“ ...»¹

ночь		война		ДЕНЬ
люблю <i>благодарность</i>	≠	люблю	<=>	терплю
говорила сквозь зубы <говoreние>	=>	сказала почти спокойными губами <говoreние>	<=	удерживали губы хоть бы раз сказала <молчание>
лгала	<=>	<не лгала?>	=	не лгала
верил <=> не верил		–		<i>не напоминал</i>
ночь	=>	вечер => ночь	<=	утро, день
темнота	=>	<свет искусственный?>	<=	<свет>, <i>рассвет</i>
хмель	<=>	<не во хмелю>	=	трезвый час
постель	<=>	дачный вагон		
тело	<=	такой раньше не видал	=>	душа
душою правят <i>мотыльки боялись</i>				душа сильна
губы <поцелуй, телесность>	<=>	поцелуй на шинели <бесте- лесность>		
горячие руки, <i>ласки</i> <объятия>	<=>	обняться нет места		
горячие руки	<=>	холодные руки		<i>холодные глаза</i>
<слух, осязание, слепота>	=>	<слух, зрение, осязание>	<=	<зрение>
незрячие слова <i>слова сгорали</i>				холодные глаза
	<=	война	=>	
раньше	<=	отъезд, разлука	=>	раньше
		вдруг <неожиданность>	<=>	ожидание
		без надежд	<=>	надежда
счастье	<=>	горе		

Литература

- Агранович, С. З. Двойничество / С. З. Агранович, И. В. Саморукова. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2001. – 132 с.
- Иванов, Вяч. Вс. Чет и нечет. Асимметрия мозга и динамика знаковых систем / Вяч. Вс. Иванов // Избранные труды по семиотике и истории культуры. – М. : Языки русской культуры, 1999. – Т. 1. – С. 380–602.
- Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс ; пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. – М. : Академический Проект, 2008. – 555 с.
- Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю. М. Лотман. – Л. : Просвещение, 1972. – 272 с.
- Лотман, Ю. М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Избранные труды. – М. : Языки русской культуры, 1996. – Т. 1. – С. 338–380.
- Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – М. : Флинта ; Наука, 2011. – 296 с.
- Невская, Л. Г. Молчание как атрибут смерти / Л. Г. Невская // Мир звучащий и мир молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. – М. : Индрик, 1999. – С. 123–134.
- Симонов, К. С тобой и без тебя, лирический дневник / К. Симонов // Новый мир. – 1941. – № 11-12. – С. 18–25.
- Симонов, К. М. Стихотворения и поэмы / К. М. Симонов. – Л. : Советский писатель, 1982. – 623 с.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1995–2012.
- Соцреалистический канон / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. – СПб. : Академический проект, 2000. – 1040 с.
- Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Академический проект, 2004. – 992 с.
- Терновская, О. А. Бабочка в народной демонологии славян: 'душа-предок' и 'демон' / О. А. Терновская // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Восточной Европы. – М., 1989. – С. 151–160.
- Толстая, С. М. Славянские мифологические представления о душе / С. М. Толстая // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. – М. : Индрик, 2000. – С. 52–95.
- Wierzbicka, A. Semantics, Culture, and Cognition / A. Wierzbicka. – Oxford University Press, 1992. – 487 p.

¹ Курсивом даны лексемы из раннего варианта, в треугольных скобках даны неартикулированные понятия.

References

- Agranovich, S. Z., Samorukova, I. V. (2001). *Dvoynichestvo* [Duality]. Samara, Izd-vo «Samskii universitet». 132 p.
- Gunter, H., Dobrenko, E. (eds.). (2000). *Sotsrealisticheskii kanon* [The Socialist Realist Canon]. Saint Petersburg, Akademicheskii projekt. 1040 p.
- Ivanov, Vyach. Vs. (1999). Chet i nechet. Asimetriya mozga i dinamika znakovykh sistem [Odd and Even. Asymmetry of the Brain and Dynamics of the Sign System]. In *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. Vol. 1, pp. 380–602.
- Levi-Strauss, C. (2008). *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology] / transl. by Vyach. Vs. Ivanov. Moscow, Akademicheskii projekt. 555 p.
- Lotman, Yu. M. (1972). *Analiz poeticheskogo teksta. Struktura stikha* [Analysis of a poetic text: the structure of poetry]. Leningrad, Prosveshchenie. 272 p.
- Lotman, Yu. M., Uspenskii, B. A. (1996). Rol'dual'nykh modelei v dinamike russkoi kul'tury (do kontsa XVIII veka) [The role of dual models in the dynamics of Russian culture (up to the end of the eighteenth century)]. In *Izbrannye trudy*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. Vol. I, pp. 338–380.
- Maslova, V. A. (2011). *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku* [An introduction to cognitive linguistics]. Moscow, Flinta, Nauka. 296 p.
- Nevskaya, L. G. (1999). Molchanie kak atribut smerti [Silence as an attribute of death]. In *Mir zvuchashchii i mir molchashchii: Semiotika zvuka i rechi v traditsionnoi kul'ture slavyan*. Moscow, Indrik, pp. 123–134.
- Simonov, K. M. (1941). S toboi i bez tebya, liricheskii dnevnik [“With You and without You”, the Lyric Diary]. In *Novyi mir*. No. 11–12, pp. 18–25.
- Simonov, K. M. (1982). *Stikhotvoreniya i poemy* [Poetries and poem]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 623 p.
- Stepanov, Yu. S. (2004). *Konstanty: slovar' russkoi kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian culture]. Moscow, Akademicheskii projekt. 992 p.
- Ternovskaya, O. A. (1989). Babochka v narodnoi demonologii slavyan: 'dusha-predok' i 'demon' [Butterfly in the folk demonology of the Slavs: 'soul-ancestor' and 'demon']. In *Materialy k VI Mezhdunarodnomu kongressu po izucheniyu stran Vostochnoi Evropy*. Moscow, pp. 151–160.
- Tolstaya, S. M. (2000). Slavyanskie mifologicheskie predstavleniya o dushe [Slavic mythological ideas about the soul]. In *Slavyanskii i balkanskii fol'klor. Narodnaya demonologiya* [Slavic and Balkan folklore. Folk demonology]. Moscow, Indrik, pp. 52–95.
- Tolstoy, N. I. (1995–2012). *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquity. Ethnolinguistic dictionary, in 5 vols.]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Wierzbicka, A. (1992). *Semantics, culture, and cognition*. Oxford University Press. 487 p.

Данные об авторе

Коржова Инесса Николаевна – кандидат филологических наук, докторант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Адрес: 119234, Россия, Москва, Ленинские горы, 1, корп. Е, к. 419.

E-mail: clean24@yandex.ru.

Author's information

Korzhova Inessa Nikolaevna – Candidate of Philology, Doctoral Candidate of the Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).